

ДАХА ТАРАТОРИНА

КАК КО МНЕ
СВАДЛАСЯ
ВЕ/ЕР

Даха Тараторина

Как ко мне сватался Ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68533081

SelfPub; 2022

Аннотация

Кто посмеет перечить Ветру? Господин могуч и страшен! Если он выбрал себе невесту, лучше принести девушку в жертву и не злить чудовище. Вот только на этот раз ему подсунули бракованный товар, потому что я упряма, своенравна и не дамся монстру живой. А если он всё же унесёт меня в своё логово на вершине горы, горько пожалеет!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	52
Глава 6	67
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Даха Тараторина

Как ко мне сватался Ветер

Глава 1

Никто не смеет спорить с Ветром

Пять лет назад мой отец совершил ошибку.

Никто не смеет спорить с Ветром. Но каждый герой мечтает убить монстра. Мой отец был героем.

А ещё он был дураком.

Я стиснула гребень так сильно, что побелели пальцы. Подняла, чтобы в восемьдесят восьмой раз, как и подобает невесте, провести им по мерцающим золотом в предрассветном мраке волосам... и запустила в зеркало.

Невеста...

Это насмешка, не более. Меня принесут в жертву, а белоснежный ритуальный наряд станет саваном.

Невеста... Я не невеста Ветра, я – откуп. Откуп за дерзость, за глупость, за ошибку отца. Он не отпустил бы меня на свадебный пир. Перерезал бы горло, чтобы алые капли вплелись в вышивку на вороте платья, петлёй захлёстывающую шею. Папа спас бы меня от чудовища! Если бы был

жив...

Пять лет назад он дерзнул выступить против монстра. Ве-тер испокон веков мучал наш город, забирал всё, что ему приглянётся, брал, не спросив и не заплатив. Мы терпели. Мы привыкли терпеть, как терпели наши деды и прадеды. Лучше бы мы терпели и дальше! Лучше бы страдал весь го-род, но папа... папа остался жив.

Трещины на зеркале разделили моё мертвенно бледное лицо на части – дурная примета. Но что мне теперь приме-ты?! Как замороженная, я потянулась к стеклу и отковырну-ла осколок. Острый. Острее ножа.

Поднесла к шее.

Монстру показалось мало убить наглеца. Он спустился с гор и ступил на нашу... на свою землю. Он был высок и стра-шен, а серебристые виски смотрелись воинским шлемом на чёрных волосах. Он швырнул голову моего отца на помост и наступил сапогом.

– Вы и правда настолько глупы? – усмехнулся он. – Вы по-слали не отряд, не опытных бойцов, а торгоша с кинжалом?

Мы послали не торгоша. Мы послали героя. И мы его по-теряли.

Городничий плюхнулся на колени и заскулил от ужаса. Он скулил куда громче, чем выла мать в толпе.

– Я хочу жену этого идиота.

Толпа отхлынула в стороны, как рой испугнутых мух.

– Нет! Мама! Мама!

Но крик сопливой девчонки заглох в согласном ропоте:

– Лерий совершил ошибку! Его семья заплатит! Справедливо! Справедливо! Справедливо!

Справедливо... Справедливо ли отдать одну дрожащую от страха женщину на растерзание чудовищу, чтобы отвести гнев от целого города? Для меня – нет.

Но никто не смеет спорить с Ветром.

Я кричала и умоляла:

– Помогите! Кто-нибудь! Мама! Остановите же его!

Никто не слушал, а чьи-то сильные руки держали меня за локти.

Что он сделает с ней? Надругается? Разорвёт на части? Унесёт в своё логово на горе, как случилось с жертвами испокон веков?

Он хищно шевельнул бровями и потянулся к ней.

– Не-е-е-ет! Мама! – Никому было не удержать меня на месте. У гончара до сих пор остался шрам от зубов, когда он попытался скрутить меня, тощую и мелкую. – Забери меня! Я расплачусь за отца!

С силой, каковой никогда в себе не помнила, я оттолкнула мать в сторону, а она лишь слабо шевельнулась, так и не решившись меня остановить.

– Забери меня, господин! – твёрдо произнесла я, сжимая кулаки.

Он протянул ко мне смуглую лапищу, стиснул подбородок и покрутил из стороны в сторону, рассматривая, как товар.

Презрительно бросил:

– Совсем девчонка. На кой ты мне?

– А на кой тебе моя мать?

Дерзкий взгляд ли, твёрдость слова, упрямо наморщенный лоб – боги знают, что привлекло его тогда. Но Ветер сжалился. Его встопорщенные от ярости брови разгладились, серьга в ухе, завершающаяся остриём, задумчиво качнулась, насмешка сквозила в хриплом голосе.

– Сколько тебе?

Я процедила:

– Пятнадцать.

Достаточно, чтобы защитить тех, кого люблю. Тех, кто остался в живых.

– Смелая. Люблю играть со смелыми. А ведь лет через пять ты станешь настоящей красавицей, – снисходительно протянул мужчина. – Что ж, я приму в оплату твою жизнь. Пять лет вы не увидите меня, а потом я вернусь за тобой, девочка. А чтобы к тому времени ты не решила сбежать, прими от меня подарок на помолвку.

Он обхватил запястье так крепко, что я вскрикнула. Издевательски поклонился и поднёс ладонь к губам. Поцелуй стал печатью, клеймом, меткой прокажённой. И эта метка за годы разрослась от крошечного золотого пятна до плети, хлещущей по телу.

Обвивающая предплечье лоза ныряла в рукав сорочки и, я чувствовала, змеей ползла под тканью, напоминая, что он

найдёт меня где угодно. Но я и не пыталась сбежать: мне бы не позволили. За эти пять лет родной город стал тюрьмой. Никто не хотел снова навлечь гнев монстра.

Осколок зеркала кольнул кожу, а я прижала его сильнее.

Мне не выбраться из ловушки живой, но никто и не обещал, что невеста Ветра будет дышать.

Я закрыла глаза и...

– Тисса!

Дверь не успела захлопнуться, а пощёчина уже звенела в ушах. Осколок выпал из ослабевших пальцев и нырнул в темноту спальни.

– Я не дамся ему живой, мама, – бесцветно проговорила я.

Я хотела утешений. Слез, прощаний и прощений. Но дождалась совсем иного.

– А о матери ты подумала, неблагодарная девчонка?! Что будет с городом, что будет со мной, если ты не явишься на свадьбу?!

– На свадьбу? – Я вскочила и рванула белоснежное платье с вешалки на пол. – Это не свадьба, это жертвоприношение! И кому какое дело, сейчас или позже...

Она до синяка сдавила моё плечо, оттаскивая от наряда. Бережно уложила платье на кровать, так и не расправленную с вечера.

– Никто не просил тебя совершать эту глупость, – негромко проговорила она. – Как и твоего отца. Так имей смелость ответить за неё.

Больше я не произнесла ничего. Да ей и не нужно было: причёсывая невесту, мать щебетала про красоту и вспоминала собственное празднество. А я молчала и смотрела в разбитое зеркало.

Мы с отцом и правда похожи. Светловолосые, светлоглазые... глупые и до смешного благородные. Что ж, кому, как ни мне, заканчивать его дело.

Он обещал прийти на рассвете. И, хоть страх перед господином Ветром был велик, он всё же был меньше любопытства: на площади собралась целая орава людей. Будто и правда провожают в новый дом невесту.

Слишком длинные, неудобные рукава ритуального одеяния подметали землю, когда я шла к помосту. Алая вышивка стекала по ткани, как кровь, которой суждено пролиться в брачную ночь. Вот только никто из «гостей» не знал, что кровь, которую прольёт невеста, будет не её. Улучив минуту, я стащила с кухни нож поострее и спрятала под платьем. Он царапал бедро, не давая забыть о себе, заставляя держать спину прямо, а шагать решительно.

Пять лет назад отец совершил ошибку. Теперь моя очередь.

Солнце полыхнуло над горизонтом, и на краткий миг я позволила себе надежду: вдруг монстр забыл про меня? У монстров ведь очень много дел...

Но потом подул ветер.

Сначала лёгкий, неуверенный. Потом порыв сорвал с голов зевак шапки. Языками пламени затанцевали свисающие из окон алые праздничные флаги. А потом небо потемнело от туч, а монстр спустился с небес.

Ветер держал слово: пять лет он не появлялся в городе, не обрушивал камни на вереницы торговцев, протискивающих у подножия горных склонов, не отводил от наших земель дождь. А теперь явился за платой.

Шторм трепал волосы, бережно собранные мамой в скромный пучок, но я не кланялась, как остальные. Возможно, именно поэтому увидела то, о чём предпочли умолчать другие.

Спустившийся с небес мужчина был неуловимо похож на монстра. Высокий, смуглый, черноволосый. В левом его ухе болталась длинная серьга с острым наконечником – как у Ветра.

Но это был не он.

За мной явился не тот мужчина, виски которого посеребрила седина, хоть и очень, очень на него похожий. Этот был моложе. Почти болезненно худ и двигался как танцор, легко шагая по потокам воздуха.

Вот только метка, ныряющая в небрежно закатанный рукав рубашки, копировала мою – жених в своём праве.

Он ступил на помост, брезгливо поморщившись. Обвёл хмурым взглядом ошеломлённые лица людей. Страх нарас-

тал, ещё секунда, одно слово – и напряжение взорвётся криками.

Ветер глубоко вдохнул, точно принюхиваясь к витающему аромату ужаса, припал на одно колено, игнорируя меня и рассматривая зрителей. Те подались вперёд и...

– Бу! – неожиданно припугнул их Ветер и рассмеялся.

Волна прошла по толпе. Зеваки отшатнулись, задевая друг друга затылками, охая и ахая на все лады. Кто-то ретировался, набравшись впечатлений на месяц вперёд.

А Ветер выпрямился, поправил накиннутый на плечи сюртук и бросил:

– Идиоты.

А потом перехватил меня поперёк пояса и взмыл в небо.

Глава 2

Невеста

Меня били? Кажется, нет. Но рёбра болели так, что становилось трудно дышать, а голова гудела и кружилась, когда Ветер, влетев в распахнутое окно, швырнул меня прямо на пол, как тюк ненужного тряпья. Швырнул – и тут же отвернулся, копаясь в вещах на столе.

Я забилась, путаясь в длинных рукавах свадебного наряда, отползла назад, готовая защищаться.

Он тянул время: бормотал что-то под нос, наклонившись над столом, перекладывал с места на место тяжёлые книги. Когда Ветер, зажав под мышкой толстый фолиант в кожаной обложке, вновь повернулся ко мне, он вздрогнул, будто бы не ожидал кого-то здесь увидеть, но тут же насмешливо поднял брови. Насмешливо... Ещё бы! Как иначе, если не смешно, я могла выглядеть? Растрёпанная после полёта из привычного города навстречу слепящему горному солнцу, дрожащая от холода и непривычно чистого воздуха, забившаяся в угол...

– Н-не подходи... – Вместо угрозы получился умоляющий шёпот.

Ветер небрежно перекинул со стороны на сторону волосы, открывая взору серёжку с заострённым наконечником – крошечное грозное знамя, метка монстра. Он и сам был

остёр, как эта серьга: острые скулы, нос, подбородок. Наверняка и слова тоже будут остры. Он развёл руками, прижав книгу локтем:

– И в мыслях не было.

И шагнул ко мне.

Я засучила ногами, силясь вжаться в стену, стать невидимкой.

Он двигался изящно и легко, словно не шёл, а плыл, танцевал по воздуху. Но оттого не менее устрашающе.

Раз, два, три – и вот он уже рядом, тянется, чтобы схватить за волосы, оторвать голову от тела и наступить сапогом...

Я завизжала, зажмурилась, слепо пытаюсь нащупать под платьем нож.

– Не прикасайся ко мне!

– А это что ещё такое? – заинтересованно хмыкнул Ветер.

Я открыла глаза, чтобы тут же отпрянуть и удариться затылком: он наклонился близко-близко, я могла ощущать его дыхание на мгновенно вспыхнувших щеках. Ни один мужчина ещё не был ко мне так бесстыдно близко! Разве что... нет-нет, то лишь друг. А Ветер... Ветер – жених.

Но будь я проклята, если позволю ему свершить то, что должно мужу!

Я закусила губу и потянула юбку вверх – стиснуть спасительную рукоять. Не успела.

Толстый кожаный переплёт стукнул об пол – книга, придерживаемая мужчиной, выскользнула и упала. Ветер под-

хватил меня под ягодицы, приподнял и придавил к стене. Я трепыхалась, пытаюсь вырваться, но он лишь теснее прижался бёдрами, не давая шевельнуться. Смуглая жилистая рука скользнула под подол, сноровисто задирая его, погладила обнажённую кожу. И нашарила нож прежде, чем это успела сделать я.

Выхватив оружие, жених отступил, позволяя мне неуклюже плюхнуться вниз. Он не злорадствовал, но и не сочувствовал тому, как сильно я ушиблась и как позорно распласталась перед ним.

Лишь язвительно протянул:

– Ну-ну. С переездом, любимая. Располагайся.

И вышел из комнаты, оставив меня захлёбываться слезами обиды и унижения.

Вышел... Оставил одну, без присмотра, и не запер! Слёзы мгновенно высохли, я на четвереньках перебежала к двери, не заботясь о том, что испачкаю белоснежный свадебный наряд, вышитый матерью, прижалась ухом к дереву.

Снаружи кто-то возился и пыхтел, но я всё же рискнула выглянуть в щёлочку. Полоску света тут же накрыла чья-то тень, и я, подавив вскрик, захлопнула дверь, пожалев, что нечем замкнуться изнутри. Что ж, это не единственный выход.

Я вскочила, подхватывая и комкая юбки, и бросилась к окну, через которое влетел сюда монстр с добычей.

Удача! Не окно, а настоящие ворота разделяли комнату

и террасу, укрытую занавесками выюнка. Я поскорее распахнула нижние створки и выскочила на балкон. От яркого света снова потекли слёзы. Воздух здесь, в горах, чист и прозрачен, аж больно дышать. Дома такое случалось разве что в лютый мороз. Но здесь зеленел плющ, розовели нежные бутоны цветов на нём: лето, хоть и совсем не такое, как в Предгорье. Справа и слева возвышались громадины гор. Их вершины белели снегом. Как могут эти неприступные ледяные пики существовать в том же мире, что и цветущая зелень? Разве не должны тепло и холод разделять долгие слякотные месяцы и затяжные дожди?

Но всё это мелькнуло где-то на краю сознания. Какое мне дело до того, что горы покрыты льдом, а балкон дома монстра украшен растениями? Нужно бежать из его логова, спастись, пока Ветер не вернулся!

Я перегнулась через перила и... задохнулась. Горы возвышались не только справа и слева. Мы тоже были горой. Особняк господина Ветра стоял на камнях, а вниз убегала, утопая в пене облаков, отвесная стена. Гроздь выюнка ехидно покачивались, словно серёжка в ухе монстра.

Не сбежать. К чему охрана для глупой птички? Ей всё равно никуда не деться из клетки.

Я села, подтянула колени к груди и тихо, бессильно заплакала.

– Ты шо ето удумала, а?!

Сварливый голос вырвал из спасительного полузабытья. Вслед за голосом пришёл и силуэт: кто-то крупный нависал надо мной, уперев руки в бока.

– Никак застудиться решила? Ну-ка ня сяди на холодном!

Я покорно встала, оказавшись на добрых две головы выше обладательницы силуэта, но бойкую старушонку это не смутило. Продолжая браниться, она схватила длинный рукав свадебного платья и потащила нерадивую невесту обратно в тепло. Тщательно прикрыла и верхние и нижние створки окна, чтобы с балкона не дуло.

– Дай хоть пахлядеть на табя, горюшко! – потребовала она. И, не разделяя слово и дело, заставила покрутиться. – Тако доброе платье испоганила, тьфу! – Старушка попыталась отряхнуть налипшие на ткань сухие листья, но от тех всё равно оставались пятна. – Пошли, горюшко!

– К-куда?

– На заклание! – мрачно пошутила она, но, сообразив, что я шутки не уразумела, пояснила: – В покои твои, хозяйюшка! Нет, ну ежели хочешь остаться в покоях господина Ветра, я не указ, но так-то он табе приказал собственные подготовить...

Только тут я осознанно огляделась: комната, куда принёс меня мучитель, и правда была обжитой. Измятая постель, на которую с укоризной косилась старушка, не заправлена, книги и бумаги навалены на столе, на спинку стула небрежно

брошен сюртук.

– Конечно-конечно, – поспешно согласилась я. – Раз господин Ветер приказал...

– Егоза! – понимающе подмигнула старушонка.

Поглазеть на весь особняк не довелось: пришлось неотрывно следовать за округлым задом моей провожатой, занимающим добрую половину коридора. Она отвела меня совсем не далеко, в одну из соседних комнат, куда более скромную, к тому же, пустую и холодную. Я зябко обхватила плечи, а старушка, истолковав жест по-своему, бросилась закрывать распахнутое окно.

– Проветривала, – сказала она. – Сейчас потеплеет.

Я так и осталась стоять, не решаясь опуститься ни на обитую мягкой тканью кушетку, ни на кровать, пока ещё не застеленную бельём. Всё казалось: присяду – и захлопнется дверца клетки. Признаю, что остаюсь, – и уже не выберусь. Но моего мнения здесь спрашивать не спешили.

– Что встала, как вкопанная? Сымай платье!

Я, напротив, намертво вцепилась в воротник.

– Зачем?

– Нагишом бегать! – фыркнула старушка. Но, видно, сильно я побледнела, потому что, сжалившись, она отступила и принялась перетряхивать постель. – Постираю, почию... Авось ещё сгодится. А ты свежее в сундуке возьмёшь, господин в последнее время их всё одно не носит. – Но и эта прибаутка меня не развеселила. – Деточка, та шо ты ровно

неживая?

Неживая... Не сильно-то служанка и ошибается! Я и правда умерла давным-давно, пять лет назад, когда монстр назначил меня невестой. Но разве я так испугалась тогда, чтобы забыть его лицо? Нет, я никогда не забуду того, кто повинен в смерти отца! И это был не тот, кто забрал меня на рассвете с площади.

– Кто он такой?! – выкрикнула я в отчаянии.

Старушка недовольно попыхтела и ковырнула мизинцем в ухе, проверяя, не оглушила ли я её.

– Кто?

– Хозяин поместья. Тот, кто принёс меня сюда.

– Господин Ветер, владелец здешних земель и гор. А ещё жа-а-а-а твоёйный! – язвительно добавила бабка.

Хотелось бухнуться на колени и просить, умолять эту добрую женщину выпустить меня на волю. Что если сжалится? Но метка невесты, привычно обжигающая спину последние годы, засадила особенно сильно, напоминая: он найдёт меня где угодно. Найдёт и отомстит. И хорошо, если мне.

– Пять лет назад... – Я прокашлялась и, чтобы унять дрожь в руках, принялась помогать взбивать подушки. О том, что представляла на них физиономию «господина Ветра» рассказывать, конечно же, не стала. – Пять лет назад господин Ветер оставил на мне метку невесты. – Я задрала рукав, демонстрируя край золотой лозы. – У того, кто принёс меня сюда, была такая же.

– Я бы подивилась, будь она другой, – хмыкнула старушка.

– Но это был не тот человек! – Под строгим взглядом горничной я расправила смятую подушку и аккуратно положила на причитающееся ей место. Повторила спокойнее: – Пять лет назад господин Ветер выглядел иначе.

– На твоё счастье, – старушка ревниво подтянула за угол подушку, взбила по-своему и вернула, где взяла, – это действительно так. Не жди зла, горюшко. Помяни моё слово, тебе очень, очень повезло!

– А ему – нет, – пробормотала я.

– Что говоришь?

– Говорю, во что можно переодеться? – улыбнулась я этой полоумной. Все они тут заодно, все что-то скрывают. Ну да ничего, мне терять нечего. А если нечего терять, нечего и бояться.

– А вон тама во.

Горничная указала на ширму и подала платье на смену. Лёгкое и синее, как небо здесь, в горах. После свадебного наряда из тяжёлого плотного льна оно показалось невесомым. Я глянула в зеркало, чтобы убедиться: нет, не обнажена. Просто тончайшая струящаяся ткань облегла так нежно, точно тёплый ветерок легонько касался кожи бёдер... Я содрогнулась от воспоминания, как бёдер касался иной Ветер. И тоже тепло... Нет, жарко!

– Точно нарочно для тебя шили, горюшко! – восхищённо ахнула старушонка. – Аккурат к глазам!

– Тисса.

– Ась?

– Не зовите меня горюшком, – попросила я. – Я Тисса. И я пока никому не принесла бед.

Голос дрогнул: правда ли не принесла? Как там мать, тоскует ли? Проклинает дочь, которая не нашла в себе смелости избежать нежеланного брака, или тоже примеряет новые наряды, купленные на деньги с откупа? Городничий обещал ей добрый откуп за меня...

– А меня баба Рея зови. – Старушка пригладила мои расчёпанные волосы, попыталась распустить тугой пучок, но я не дала. – Правда зови, – с нажимом повторила она, – ежели по неразумению... или глупости обидит кто.

Тут бы дерзко вздёрнуть нос, мол, я сама кого хочешь обижу! Но, поразмыслив, я сказала иное:

– Спасибо, баба Рея.

– Вот и ладненько. Вот и чудненько! Прихорашивайся, горюшко, и ходи завтракать. Прямо по коридору, а дальше не ошибёшься: я на оладушки тесто поставила, по запаху не перепутаешь.

Баба Рея не соврала. Прежде, чем я успела причесаться и заново закрутить волосы, особняк наполнился такими ароматами, что урчание в животе заглушило все мысли и страхи. Не ела ведь ничего со вчерашнего дня, а бессонная ночь забрала последние силы.

Собравшись с духом, я выглянула в коридор, короткими

перебежками преодолела его и вышла в большую вытянутую залу, увешанную зеркалами. Свет, бликуя, скакал меж стёкол, и отличить реальность от отражения удалось не сразу. Когда же получилось понять, который из длинных столов, накрытых скатертью, настоящий, я осознала, что уже давненько смотрю на сидящего за ним мужчину. Тот не спешил развеивать неловкость, в свою очередь разглядывая меня поверх заброшенных на скатерть ног и отхлёбывая кофе из фарфоровой чашки.

– Присядешь? – поинтересовался он после невыносимо длинной паузы.

– Как господину будет угодно, – процедила я. Аппетит улетучился в то же мгновение, как мои светлые глаза встретились с его – тёмными, насмешливыми, будто подведёнными угольком.

– Господину будет угодно, чтобы ты не придуривалась. Ты мне тут нужна не больше, чем я тебе.

– Э-э-э... Тогда, может, я пойду? – рискнула предложить я. – Чтобы не мешать...

– Угу, разбежалась. – Ветер отхлебнул ещё глоток кофе, подержал во рту, смакуя, прежде чем проглотить. И, наконец, раздражённо бросил: – Прекрати уже трястись. Никто тебя здесь не обидит. Если, конечно, будешь вести себя благоразумно, – язвительно добавил он, выкладывая на стол нож, который я намеревалась вонзить в сердце жениха. – Ты же будешь?

– Ничего не могу обещать, – буркнула я, после чего растянула губы в неестественной улыбке и торжественно пообещала: – Разумеется!

Сгустившееся напряжение в ключья порвала баба Рея. Громко пыхтя, она распахнула бедром дверь и спиной вперёд вошла в столовую, таща за собой дребезжащий столик на колёсиках. Возвышающиеся на нём стопки оладушек опасно накренились.

– Ноги со стола! – походя скомандовала старушка, локтем спихивая сапоги грозного господина. Тот, как ни странно, послушался.

Ветер цапнул с проезжающего мимо столика оладушку и сунул за щеку.

– Я бы ш бофым удофольшфием ифбафифся от фефе фефас, – прочавкал он.

– С набитым ртом! – возмутилась служанка, а когда мы с господином синхронно повернулись к ней, беззастенчиво повторила: – Не болтай с набитым ртом!

Ветер прожевал и проглотил, а потом холодно заметил:

– Рея, поспешу напомнить, что я всё же твой господин.

– С невестой своейной господинкать будешь! – сварливо отбрехала та, но, тем не менее, поспешила удалиться, дабы соблюсти хотя бы видимость субординации.

Вслед за нахальной старушкой осмелела и я. Для начала поспешила употребить максимально сытный завтрак, всерьёз опасаясь, что последующий за ним разговор может вы-

вести жениха из равновесия. Ну как передумает быть благожелательным хозяином и отправит в подвал на хлеб и воду?

Наконец, расправив складки на юбке и пригладив выбившиеся из причёски волосы, я рискнула спросить:

– Не сочтите за дерзость, господин, но... – я всё-таки запнулась.

– Но?.. – заинтригованно подбодрил меня мужчина.

– Кх-кх... Кто вы?

Ветер поперхнулся кофе, расплескал напиток на скатерть и, воровато оглянувшись в направлении, в котором скрылась Рея, передвинул на пятно кувшин с водой.

– Ну-ка повтори ещё разок.

Я сдвинула брови к переносице, хотя и прекрасно понимала, что вид мой далёк от устрашающего. Для храбрости тоже сделала большой глоток кофе и тут же пожалела: горько.

– Кто вы такой? Пять лет назад господин Ветер назначил меня своей невестой...

– Да-да-да, – перебил мужчина. – Поздравляю с великой честью и всё такое. А ещё приношу соболезнования, потому что вдовой ты стала быстрее, чем женой.

– Что?

– Господин Ветер, которому ты приглянулась, умер полгода назад, – с какой-то странной горечью пояснил он. – И оставил наследнику это, – обвёл рукой потолок, наверняка подразумевая несколько большее пространство, чем одну только столовую, – и это, – закатал рукав, демонстрируя край золо-

того рисунка на коже, копирующего мою метку. – Вот только... Прости, любимая, я слишком молод и умён, чтобы ввязываться в такую авантюру как женитьба.

– Так вы...

Я задохнулась: неужели... мы заодно?

– Не имею ни малейшего желания связывать наши жизни, – подтвердил Ветер.

– Так то... тот мужчина был вашим... твоим отцом?

Ветер поморщился как от зубной боли.

– Не отцом. Всего лишь человеком, обрюхатившим мою мать.

Не веря своим ушам, я вскочила с места. Обняла бы мерзавца, не сиди он на противоположном конце длиннющего стола, но успела одуматься.

– Так ты отпустишь меня?!

Ветер смущённо ковырнул оладушек вилкой.

– Отпустишь? – требовательно переспросила я.

– Ну...

– Я ведь тебе не нужна! Не нужна, правда?

– Упаси боги! – поклялся жених. – Будь моя воля, вовсе не забирал бы тебя. Не люблю лишнюю суету, знаешь ли. Но зову метки сложно противостоять. Папаша передал её мне вместе с даром Ветра. Подгадил напоследок. К тому же чревато разочаровывать жителей Предгорья. Они хотели принести жертву монстру. Было бы бестактностью со стороны монстра проигнорировать предложение, не правда ли?

И тут до меня дошло.

– Так ты... не собираешься отпускать меня?

– Верно.

– Несмотря на то, что я тебе не нужна?

– Несмотря на то, что ты основательно меня раздражаешь.

– И я останусь здесь?

– Тут неплохо. Свежий воздух, красивые закаты...

– Несмотря на то, что мой кошмар и убийца моего отца мёртв?

– Да, прежний Ветер был тем ещё ублюдком, – поддакнул гадёныш.

Мальчишка. Ехидный, наглый, самовлюблённый придурок! Он понятия не имеет, что всё Предгорье дрожит от одной мысли, что где-то там, среди заснеженных вершин, живёт монстр! Что он может обрушить камни и отрезать городок от всего остального мира, что может планомерно уничтожать обозы торговцев и посевы, обрекая их на голод и мучительную смерть. Что столетиями Ветру приносили в жертву женщин, выкупая его милость невинными жизнями. И теперь роль монстра будет играть зарвавшийся щенок?!

Тарелки были красивыми. Из тончайшего фарфора с изящным кантом по краю. Я взяла одну, повертела... и швырнула на пол. Взяла вторую.

– О-о-о, а девушка с характером! – Ветер откинулся на спинку стула и заложил руки за затылок. – Продолжай, продолжай. Рея потом тебя так выпорет, неделю не сядешь! Но

ты продолжай, не стесняйся. Будь как дома, любимая!

Следующая тарелка полетела прямиком в лоб мучителю, но тот едва ощутимо подул и, подхваченная потоком воздуха, она сменила направление.

– А вот это уже излишне.

– Отпусти меня! Ты ломаешь мне жизнь ради глупой шутки! Пять лет я ожидала казни, а теперь, когда поверила, что меня помиловали, ты... ты...

– Я начинаю терять терпение, – спокойно предупредил Ветер.

Но я не услышала. Не захотела слушать, выплёскивая, наконец, накопившийся ужас. И тогда ужас оправдался. Потому что Ветер, может, и был новым, а вот дар остался тем же самым.

Он взмыл вверх легче пера. Шагал по невидимым ступеням, будто танцевал, без труда уворачиваясь от летящей в него посуды. В тёмных волосах сверкнуло острие серьги-когтя, Ветер прыгнул, в ушах свистнуло, а пол выскользнул из-под ног. А потом я оказалась лежащей на спине, а монстр нависал надо мной, как хищная птица над едва оперившимся цыплёнком.

– Кажется, ты не совсем поняла, с кем имеешь дело. Я – Ветер. Я не спрашиваю разрешения, я беру то, что мне нравится. И тебе очень повезло, что ты мне не нравишься, любимая. Постарайся, чтобы это оставалось так же. Для твоего же блага.

Глава 3

Друзья познаются в беде

В Предгорье никогда не было дефицита сплетен. Отсутствие событий местные с лихвой компенсировали фантазией и хорошо подвешенным языком, да и проезжающие через городок торговцы (тьфу-тьфу, не осерчай господин Ветер!) приносили не только налог в казну за пользование выгодным путём, но и темы для пересудов.

Однако сегодня все разговоры сводились к одному – к невесте Ветра, юной Тиссе, которую на рассвете унёс в своё логово господин.

Куда бы ни пошёл Рой, везде слышал одно и то же:

– Такая молоденькая...

– Ей бы хорошего парня...

– Сожрёт, помяните моё слово!

– Никто не возвращался!

– На этот раз откупились... Хорошо бы через год не требовал новую жертву...

Шепотки и сочувственные взгляды, жучками ползающие по загривку, загнали его в единственное место, где можно было залить злость. Да и жидкость для заливания здесь предлагали на любой вкус. Рой ввалился в таверну и поспешил спрятаться в самом тёмном её углу.

– Как обычно? – осведомилась девушка в захватанном платье.

Она, как и многие другие девицы, не отказалась бы скоротать вечерок в компании улыбчивого красавца с пшеничными кудрями. Но Рой не уделял внимания ни одной из них. Да сегодня он и не улыбался. Не улыбался с тех самых пор, как, выскочив на площадь в порыве безрассудной смелости, увидел лишь, как чудовище уносит свою жертву в небо. Опоздал. Снова опоздал. Слишком долго думал, набирался духу... И не сумел защитить девчонку, которую город обрёл на гибель.

– Нет. Пива, – выдавил из пересохшего горла Рой. – Два кувшина.

После пива последовало вино, а уже к обеду его место на столе заняла мутная бутылъ с самым дешёвым пойлом из представленных.

Но легче не становилось.

Когда пойло уныло заплескалось на донышке, а вывернутый наизнанку кошель изрыгнул лишь две позеленевшие медьки, у Роя остался последний способ заглушить разъедающее изнутри чувство вины. Он повёл мутным, как бутылъ из-под самогона, взглядом по залу в поисках достойного противника. Исход драки не был важен: взорвётся ли голова победным ликованием или разможится о порог, когда его вышвырнут на улицу, так или иначе, он не будет думать о светловолосой девчонке, жизнь которой так глупо и бессмысленно

но оборвалась на рассвете.

Как назло, зацепиться было не за кого. Не то широкоплечий нетрезвый детина, ищущий неприятностей, одним видом вразумлял потенциальных драчунов, не то остальные за-
всегда и предпочитали пить ближе к вечеру.

Что ж, если горе не получается залить, можно разделить его с кем-то. А парень знал лишь одного, для кого гибель Тиссы стала концом света, как и для него. Рой поднялся, пошатнулся, но удержался на ногах, ухватившись за спинку стула. И, ссутулившись, побрёл прочь.

Он с детства знал эту дорогу. Мог бы пройти вслепую, не запнувшись: протиснуться меж колокольной и старой развальной близ площади, обогнуть рынок, пригнувшись, перебежать запущенный огород старой Даны, засаживающей его каждый сезон лишь для того, чтобы городничий не отдал землю под лавки, бегом по узкой пыльной улочке, налево – и... Он не был у Тиссы уже лет пять, не меньше. С тех самых пор, как девочка лишилась отца, а богатый дом превратился в покосившуюся хибарку. Но помнил. Первую голубоглазую любовь никогда не забывают. Даже если её не пускают к друзьям.

Однако сегодня Рою тоже не суждено было пройти памятным путём. Потому что неподалёку от рынка до него донёсся голос. Этот голос многожды гнал его со двора, уверял, что Тиссы нет дома или что подруга не хочет его видеть. Рой не верил, конечно же. Но обойти строгую мать так и не сумел.

Да и пытался недостаточно рьяно, если по-честному. Тосковать по невесте Ветра – что может быть глупее?

– Я дочери лишилась на рассвете, а ты мне цену скинуть не можешь? – возмущался высокий голос.

– Знаю я, какой откуп тебе за неё выплатили! Небось сама же дитёнка и сговорила! – отбрехивалась торговка.

– Тётя Ара? – растерянно окликнул Рой.

Ей бы, повязав под подбородком траурную синюю ленту, заливаясь слезами! Но вместо того женщина стояла у лотка с мясными деликатесами и требовала скидку.

Невысокая молодящаяся женщина на мгновение прижала локтем тугой кошель на поясе, но, опознав парня, успокоилась.

– Мальчик мой! – Ара распахнула объятия, но Рой сделал вид, что не понял жеста. – Горе-то какое! Слышал, что случилось?

«Неужто правда удивлена?» – мелькнуло в пшеничной голове.

Да куда там! Всё Предгорье знало, что Тиссу отметил гопподин. Родная мать вышивала свадебный наряд. Что ж делать вид, будто случившееся – неожиданность? Но Ара делала. Заламывала руки, причитала, собирая вокруг себя благодарных поддакивающих зрителей. И сочувственные ахи собирала, конечно же. Соболезнования и предложения «если надо, подсобим...», «не стесняйся, всегда приходи», «твоя кровиночка всех нас спасла».

И только Рой замечал нечто неправильное в согласных стенаниях толпы. В том, как складно палачи играли роли осуждённых.

– Да примет небо её душу!

– Умничка девочка, себя не пожалела!

– Только хорошая мать могла такую героиню вырастить!

Прониклась и упрямая торговка:

– Ну ладно, – нехотя пробурчала она, – бери за полцены.

Ради Тиссы...

Рой не выдержал.

– Заткнитесь! Заткнитесь, вы все! – прокричал он, замахиваясь на Ару, но сдерживаясь в последний миг. – Как смее вы марать её имя своими грязными языками! Вы обрекли Тиссу на смерть, вы! Никто не попытался защитить за пять лет, что она ждала казни! Вы могли убить чудовище! Могли пойти на него все вместе! А вместо этого радовались, что выбор пал не на вас! И ничего... ничего не сделали!

Народ шарахнулся, как от прокажённого, и умолк. И только в задних рядах какой-то дедок прошамкал:

– А шам-то? Херой!

Фраза пронеслась над макушками горожан и сразу была согласно подхвачена:

– Вольно рассуждать опосля!

– А что мы могли?

– Никто не спорит с Ветром!

– Господину виднее, так испокон веков повелось!

– Девчонка за глупость отца расплатилась! Иначе господин всех похоронил бы под завалами!

А сам-то? У Роя пересохло во рту. У него ведь тоже было пять лет, как и у любого другого в Предгорье. Да, он был мальчишкой, не ведающим опасности, пока та не окажется на пороге. Да, он струсил! Он и сам знал это... Парень понурился и убрался бы восвояси, но кто-то, оскорблённый его пламенной речью, бросил вслед:

– Вот-вот, иди, куда шёл! Языком балакать все мы герои! И этого Рой стерпеть не мог.

Он ударил прежде, чем понял, кто ляпнул обидную глупость. Кулак просто нашёл самую нахальную рожу из тех, что поближе. И струна всеобщего напряжения, звенящая с рассвета, лопнула.

Нахальная рожа ударил в ответ, но Рой успел пригнуться и досталось мяснику, выглянувшему посмотреть, что за сборище у его лавчонки. Мясник, не разбираясь, съездил в ухо молочнику, на которого давно имел зуб. Молочник плеснул кувшин сливок в харю косоглазой бабе, которая просто ему не понравилась, а баба исцарапала карманника, обшаривающего её корзину.

Драка сравнялась размерами с рынком быстрее, чем Ара смекнула, что пора драпать. Спроси кто на другом краю потасовки, за что машем кулаками, вряд ли мужики ответили бы. Но город, настроившийся на бурю, наконец-то её получил. Отвёл душу и Рой. Безрассудства ему сызмальства недо-

ставало: именно малышка-Тисса втягивала друга в неприятности, а он следовал за ней, как верный пёс-защитник. Но брага затуманила рассудок и выплеснулась неведомой доселе злобой. Она ломала носы и ставила подножки, швырялась глиняными кувшинами, выставленными на продажу, колодила всех, кто попадался, не разбирая. И, когда Рой выбрался из беснующейся ватаги, вся его злость сменилась безысходностью.

Прихрамывая, парень протолкался к фонтану с зазеленевшей водой, намочил под струёй затылок, умылся и бессильно опустился на мостовую у бортика.

Солнце нещадно припекало, драка перетекла в смачную, а после и в вялую обыденную ругань. Рой всё сидел и сидел, не находя в себе сил и желания подняться. Он надеялся, что солнце расплавит его и позволит растечься по мостовой безвольной лужицей, которую не терзают ядовитые мысли. Но от солнца его защитила чья-то тень.

– Я присяду? – поинтересовался незнакомец в широкополой шляпе.

И, хоть места у фонтана было хоть отбавляй, Рой потеснился.

– Хорошая драка. Посмотреть приятно, – хрипловато прокомментировал мужчина, подтягивая к животу одну ногу. – Ты устроил?

Рой с вызовом ответил:

– Ну я. Что с того?

Незнакомец равнодушно передёрнул плечами.

– Ты кто такой вообще? – после тягостного молчания первым подал голос Рой.

– Скажем, друг. – Мужчина опустил шляпу чуть ниже, защищая глаза от яркого света. – Проникшийся твоей пламенной речью.

– Пошёл ты. Издевается ещё...

«Друг» поднял руки вверх, демонстрируя свою полную безоружность.

– Я серьёзен. И согласен с тобой. Монстра следовало убить, пока он не ждал удара. Иначе вы вечно будете откупаться от него, а цена однажды может оказаться выше, чем потянете.

Рой покосился на мужчину: неужели правда не смеётся?

– Так повелось, – осторожно заметил он. – Наши деды и прадеды приносили Ветру жертву. Раз в десять-пятнадцать лет, не чаще.

– И что же они получали взамен?

Вот уж не думал Рой, что придётся защищать образ жизни Предгорья, который и самому ему претил. И уж точно не думал, что придётся разъяснять кому-то такие простые вещи.

– Свою милость. Ветер всегда жил в горах. Если осерчает... Обвал от города ничего не оставит.

Мужчина в широкополой шляпе задумчиво приложил палец к губам.

– И правда, – кивнул он, – ничего не оставит. Так что же,

пусть и дальше висит над вами незримой угрозой? Сколько жертв он запросит в следующий раз?

— А не всё ли равно? — На жаре Роя разморило, встал он с трудом, но продолжать бессмысленный разговор не соби-
рался. — Ту, кем я дорожил, Ветер уже забрал. Плевать я хо-
тел, кого он возьмёт в следующий раз.

Он уже направился в узкий перешеек между домами, за-
полненный спасительной сыростью, где можно будет осту-
диться, но незнакомец окликнул Роя ещё один раз:

— А что, если я скажу, что девушка жива?

Рой развернулся так резко, что едва не упал.

— Откуда знаешь? Кто ты вообще такой?

Мужчина приподнял шляпу мизинцем и расплылся в удо-
влетворённой улыбке:

— Я же сказал: друг.

Глава 4

Господин Полох

– Звяк! – тихонько заплакали осколки тарелки, когда я мазнула по ним веником.

Нагнулась поднять чудом уцелевшую фарфоровую чашку, но и тут разочарование: край отколот, а через золотистый узор пролегла трещина. Тоже в мусор.

Вот тебе и великая честь! «Избранница, невеста Ветра! Счастливая!» – вздыхали дома соседки, втайне радуясь, что не их дочерей принесут в жертву. Знали бы они, что меня ждёт вовсе не мягкая перина, но и не пытки в логове зверя. Вместо того и другого баба Рея отчитала меня за битую посуду, вручила веник и велела убирать. А сам Ветер, послав издевательский воздушный поцелуй, распахнул окно столовой и бесстрашно шагнул в бездну, чтобы в следующий миг взмыть в вышину.

– Што морщисси? – прошамкала старуха, упиваясь моим унижением. – Здеся табе ня королевские палаты. Нас в поместье всего двое и работает, а бабушка старенькая, бабушка к каждой вашей разборке поспевать не может!

Работа как раз меня не смущала. После смерти отца у нас с мамой не осталось средств держать слуг. Мы сами готовили, убирали, таскали с рынка корзины продуктов... Полоскать

бельё в ледяной воде, пропалывать грядки, замаскированные по краям кустами пионов – всё это я умела и белоручкой не была. А вот устранять последствия собственной глупости стыдилась.

Надо же так опростоволоситься! Мало того, что показала жениху (я снова поморщившись, когда это слово само скользнуло в мысли) несдержанной дурёхой, так ещё и испортила столько утвари... Да уж, всем невестам невеста! Не зря господин сказал, что порадуетя, избавившись от меня.

Избавившись... Как, интересно? Отпускать меня Ветер не собирается. Поднимет в воздух да сбросит на острые камни, чтобы не мешалась? Или всё-таки оставит вон... хоть пол подметать? То и другое лучше, чем снова ощутить его пальцы под платьем! Я одёрнула юбку, прикидывая, не найдётся ли у бабы Реи одежды попроще и поплотнее, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Стирающая капли джема с одного из зеркал старуха недовольно поцокала.

– Это ж что такого господин ляпнул, шо ты так осерчала, горюшко? – пробурчала она.

– Да уж нашёл, чем уязвить... – стиснула зубы я.

Но вместо того, чтобы надрать мне уши и приказать отмывать грязь, Рея хихикнула:

– Агась, он умеет. Но ты ня принимай близко к сердцу, горюшко! Господин ня так уж плох...

– Что, – фыркнула я, – расскажете, что вовсе он не такой

козёл, каким кажется?

– О! – Старуха утёрла выступившие от смеха слёзы манжетом. – Он тот ышо козёл! И каким кажется, и больше! Но по своей воле такими не становятся. Потерпи его покамест, горюшко. Авось стерпится-слюбится.

Я вспыхнула. Неужто эта добрая женщина и впрямь считает меня невестой Ветра? Невестой, а не глупой птичкой, угодившей в силки? Неужто не понимает, какая беда здесь творится?

– Ни за что на свете! Он насильно меня сюда приволок. Убежать я не в силах, но не лишайте меня права ненавидеть пленителя!

Старушка не воспринимала слова всерьёз.

– «Пленителя»! Ишь! – Она ещё раз провела тряпкой по стеклу, критически осмотрела своё отражение и поправила передник. – Думаешь, ты одна тут не по своей воле? Горюшко-горюшко...

Расспросить Рею подробнее не удалось. Старуха увиливала, отшучивалась и сварливо бранилась, а как до дела – молчок.

Зато, помогая горничной, удалось изучить особняк. Изучить, но не полюбить. Роскошные комнаты, сияющие всеми оттенками золота при ярком солнце, смотрелись аляповато и вызывающе. Просторные залы, где следовало бы устраивать шумные празднества, пустовали, и стук каблучков разносился по ним безжизненным эхом. Обтянутые бархатом кушет-

ки и тяжёлые гардины чихали клубами пыли, стоило к ним прикоснуться, а почти все каминные заслонки были закрыты и не использовались, от чего по покоям вечно гулял сквозняк.

Комната за комнатой смахивая пыль с мебели, я вышла в тёмную залу без единого окна, запнулась о что-то из мебели и поспешила распахнуть обе двери: ту, через которую вошла, и ту, что вела в следующее помещение. Свет лентами пронзил взвившиеся в воздух соринки, а я поспешила закрыть рукой рот, душа крик в зародыше.

Комната была увешана картинами. Нет, не так. Все стены, не оставляя ни единого свободного участка, занимали женские портреты. Блондинки, брюнетки, рыжие, писанные красавицы и те, на кого не взглянуть без сочувственного вздоха, в роскошных нарядах и лохмотьях, ярко разукрашенные и с лицами, хранящими память о синяках и ссадинах. Несколько портретов были совсем странными: обнажённые девушки с кожей, тёмной, как уголь.

Лишь одно было общим у этих женщин – взгляд. Точно такой же я видела в зеркале в ночь перед «свадьбой». Жертвы господина Ветра.

Десятки, может, сотни жертв, ни одна из которых не вернулась домой. Возле глубокого кресла, на которое я налетела в темноте, стоял маленький круглый столик с канделябром. Огарки свечи на нём рыдали воском прямо в пустой бокал с грязными стенками. Наверняка господин Ветер си-

дел здесь вечерами, смакуя напиток, и любовался на трофеи, прикидывая, найдётся ли местечко для ещё одного портрета – светловолосой светлоглазой дурочки, что сама ему себя предложила.

Живот скрутило так сильно, что я согнулась вдвое. С трудом подавив приступ тошноты, бросилась из комнаты, неуклюже обернув столик. Бокал, упав, всхлипнул осколками.

Неужели это и есть моё будущее? Неужели здесь закончится моя жизнь, в темнице без окон, увешанной паутиной? И много лет спустя мой портрет с такой же тоскливой безысходностью посмотрит на ещё одну юную невесту, угодившую в лапы монстру, который плевать хотел на наши судьбы?

Я неслась по особняку, путаясь в многочисленных сквозных комнатушках. Только бы подальше, только бы спрятаться от сочувственных взглядов мёртвых женщин на портретах... Но они не отставали, сколько бы дверей ни хлопнуло за спиной.

– Горюшко, чаго ты? – удивилась баба Рея, но я не смогла остановиться. Я и рыдания-то с трудом сдерживала. Спрятаться, скрыться, запереться где-нибудь, чтобы никто не видел, как больно, как страшно...

За очередной дверью оказалось слепящее солнце. Я резко остановилась, не понимая, куда попала, прикрылась козырьком ладони. Только когда ветер плеснул в лицо капельки влаги, поняла: я пробежала поместье насквозь и выскочила из парадной с другой его стороны.

Свобода! Я вдохнула ледяного воздуха и закашлялась с непривычки. Обернулась на тёмную пасть входа и... пошла прочь. О нет, я не пыталась сбежать! Даже тогда я была благоразумна и понимала, что единственный путь к бегству – прыжок со скалы, ведущий в спасительное забытье. Я лишь хотела убраться подальше от проклятых портретов.

Расчищенная площадка перед помещьем закончилась почти сразу, а дальше пошло бездорожье. Гора под ногами крошилась и вкрадчиво шуршала, когда мелкие камешки всё более резво катились вниз.

Перед самым носом пронеслось птичье перо. Откуда бы ему взяться здесь, в безжизненной каменной пустыне? Перо кувыркнулось, насмешливо щекокнуло щеку и улетело куда-то высоко, к самому солнцу, что слепило, но не грело. Я зябко поёжилась, но возвращаться в дом не спешила. Вместо этого продолжала смотреть на холодный золотой свет, точно он мог выжечь воспоминание о тёмной комнате, похожей на могилу.

Белоснежные вершины гор отражали лучи и сверкали как драгоценные камни. Наверное, не будь я здесь пленницей, любовалась бы. Но тут одна из гор шевельнулась. Не гора даже, а крошечный кусочек льда на её пике. Двинулся – и снова замер. Быть не может, чтобы кто-то или что-то выжило здесь. Я сощурилась, вглядываясь в белое на белом, привстала на цыпочки, словно это могло помочь. Ветер подсобил: ударил в спину, будто бы приподнимая над землёй, растрепал воло-

сы, застилая глаза и... я оступилась.

Оступись я на равнине, удержалась бы. А и если бы упала, не велика беда: отряхнулась и пошла дальше. В жестоких горах всё иначе. Один неверный шаг может стоять сломанной ноги, руки или... шеи.

Валун под ступнёй пошатнулся, а тувфелька, предназначенная для прогулок по бальным залам, а не острым камням, соскользнула с него. Я взмахнула руками, словно крыльями, и полетела. Но я – не Ветер. Шагнув в бездну с кипящим в ней молоком облаков, я не могла через мгновение взмыть в небо. Когда я поняла, что падаю, кричать уже было поздно.

Я бы и не кричала. Разве что посмеялась от нелепости, в которую угодила. Не пыталась сбегать, а всё же ухитрилась. Но прежде, чем моё бездыханное тело навсегда замерло среди гор и покрылось снегом, его пронзила настоящая боль.

В горах холодно? О нет, жарко! Пламя вспыхнуло на спине и пробежалось до кончиков пальцев. Сначала оно было ласковым, но лишь сначала. Почти сразу огонь добрался до костей и взорвался невыносимой болью. О том, что разнёсшийся в тишине вопль был моим, я догадалась много позже.

А потом боль исчезла. Так же быстро, как и возникла. Вместо неё пришёл голос. Низкий, с насмешливыми нотками.

– Идиотка!

Его руки были горячими, как и тогда, когда скользили по моим бёдрам. И, хоть Ветер был почти болезненно худ, дер-

жали крепко. Так крепко, что я впервые осознала: не выпустит, как бы я ни умоляла. Возможно, разбиться и правда было бы лучшим выходом...

– Дура! – гаркнул Ветер, с трудом сдерживаясь, чтобы не подкрепить слова оплеухой. – Хотела сдохнуть, попросила бы меня – я б тебя сам с удовольствием придушил!

Я уже не падала. Теперь я летела. Летела не так, как утром, когда господин Ветер волок невесту будто ненужный тягостный груз. Теперь он прижимал меня к груди, как великую ценность. Я летела с Ветром, была его частью и лишь теперь, познав разницу между падением и полётом, воистину поняла, насколько далёк господин от нас, от тех, кто не способен вознестись к облакам.

Уши закладывало от холода и скорости, но от его тела было тепло. Хотелось прильнуть сильнее, чтобы согреться, и лишь память о испепеляющем жаре, сбегавшем вдоль позвоночника, останавливала.

Ветер снова принёс меня на террасу, увитую зелёными плетями. Поставил и поинтересовался:

– Хотела меня убить?

– Тебя?! – ахнула я.

Не отвечая, он направился в спальню, на ходу стаскивая рубашку через голову и стараясь, чтобы ткань не касалась спины.

Нет, не худой. Скорее, поджарый, сухой, как охотничий пёс, с каждой мышцей, просматривающейся под смуглой ко-

жей... Я залюбовалась и не сразу заметила главное – метку жениха, перечеркнувшую спину Ветра так же, как моя собственная. И тогда до меня дошло, как же сильно она обжигает.

Свадебная метка прекрасна, если не знать, кем она оставлена. Золотистый рисунок, распускающийся изящными перьями, обвивающий тела жениха и невесты, как лоза – колонны. Чем ближе срок свадьбы, тем крупнее разрастается лоза, тем живее перья. Кажется, шевельнись – и они затрепещут, будто настоящие.

Но теперь метка Ветра, протянувшаяся от запястья к запястью через хребет, не была золотой. Она полыхала красным, как раскалённый уголь, и, я знала, жжётся не меньше. Знала потому, что моя пекла точно так же.

– Раздевайся! – приказал господин, не глядя на меня и роясь в ящиках стола.

Я попятилась.

– Нетушки...

– Что сказала?

– Нет! – повторила я твёрже и в отчаянии замотала головой: – Нет-нет-нет!

– Ты не в том положении, чтобы спорить! – отрезал жених, наступая.

Ох, как же он был страшен! Если каждая невеста брачной ночью видит своего суженого таким, немудрено, что краснеет при вопросах о произошедшем.

– Не трогай! – взвизгнула я, пытаюсь забраться на перила, но Ветер поймал моё предплечье, сдёрнул вниз и поволок к кровати.

– Сумасшедшая... Как, думаешь, Ветер находит своих невест? Едва обручённые разлучаются, метка раскаляется. Она нас обоих чуть не угробила! Ты нас чуть не угробила! Да прекрати кусаться! Ай!

А кусалась я знатно! Кусалась, царапалась, сопротивлялась что есть мочи!

– Пусти! Не смей!

Но он был сильнее. Швырнул лицом вниз, придавил коленом в пояснице и рванул платье с плеч. Раздался треск ткани, одежда поползла вниз, я задёргалась, пытаюсь удержать её, но твёрдая рука стиснула шею сзади, вдавливая в измятые подушки.

– Да не дёргайся ты! Больше будет!

Я, разумеется, задёргалась втрое активнее.

– Пухти! – пыхтела я в подушку, когда по обнажённой спине скользила горячая ладонь.

Но вдруг хватка ослабла, а жар метки сменился успокаивающей прохладой. Носа достиг запах трав. Ветер, мазнув чем-то по спине ещё раз или два, шлёпнул меня по ягодице и отпустил.

– Теперь мне помоги, – велел он, бесстрашно поворачиваясь и протягивая через плечо банку с зеленоватой смесью.

– Что это?

Он раздражённо обернулся, насильно сунул в ладони лекарство и снова требовательно шевельнул лопатками.

Дрожащим пальцем я зачерпнула мази и коснулась обжигающе горячей метки своего жениха.

– Пх-х-х-х! Осторожнее!

– Прости...

– Это от ожогов. Рея принесла. Иногда метка жжётся очень сильно, тебе ли не знать, – соизволил всё-таки ответить Ветер.

Алый рисунок светлел и становился золотистым, обтянутые смуглой кожей мышцы расслаблялись. А мне хотелось глупо хихикать не то от миновавшей опасности, не то от осознания, что страшный монстр, чудовище, перед которым трепещет всё Предгорье, едва слышно фыркает, стоит ненадолго пощекотать ему бок.

– Прости, – виновато прошептала я. – Я не хотела, чтобы... Думала, метка вредит только мне...

– Не ты одна здесь в ловушке, – усмехнулся Ветер.

– Не знала, что тебе будет больно...

– А что будет больно тебе – ничего? Бросаться со скалы вниз – сомнительное развлечение.

– Я не бросалась! – Я смущённо закусил губу и покраснела до кончиков ушей. – Оступилась и упала...

Ветер издевательски расхохотался.

– Вышла прогуляться в горах в туфлях на каблуках и этом? – он дёрнул остатки моего платья, а я, лишь теперь со-

образив, что оно сидит куда ниже, чем позволяют приличия, поспешила подтянуть его ошмётки вверх. – Ты превратилась бы в ледяную статую от холода.

– Я случайно. Так получилось...

Он вопросительно изогнул бровь. И вдруг подался вперёд, опрокидывая меня на простыни и нависая сверху. Его насмешливые, будто подведённые угольком глаза, пронзали насквозь, а дыхание опаляло почти так же сильно, как совсем недавно метка невесты. Он коснулся кончиком носа моей шеи, втянул воздух и скользнул выше, к подбородку.

– Уж не пыталась ли ты сбежать, маленькая птичка? – хрипло прошептал он.

Меня передёрнуло. Что, если господин решил, будто я намеревалась нарушить клятву? Что, если обрушит кару на город... на маму, чтобы я знала своё место? Я зачастила:

– Не пыталась, клянусь! Это случайно... Я вышла... вышла совсем ненадолго. И солнце... Показалось, в горах кто-то есть, засмотрелась и... и...

В ответ на мой ужас он засмеялся. Так, будто я вскочила на стул, испугавшись крошечной мышки.

– Когда ты так меня пугаешься, любимая, я и сам верю, что страшен, как сотня ледяных великанов!

– Я... – Не решаясь шевельнуться, я уточнила: – Вы смеётесь надо мной, господин?

Ветер отпустил меня, продолжая хохотать, и саркастично хлопнул в ладоши:

– Умничка! Угадала. А я уж начал подозревать, что ты глуповата!

Я надулась, села рядом, оправляя платье. Обиженно пробухтела, не скрывая сарказма:

– Ну, знаете ли, господин...

– Полох, – сквозь смех поправил он.

– Что?

– Моё имя Полох, любимая. Можешь не звать меня господином, Тисса.

Я запнулась, недоумевая, когда монстр... Полох успел разузнать моё имя. Но мало ли, какие секреты у монстров?

– Спасибо, – я помедлила, решаясь впервые назвать имя чудовища, – Полох. Спасибо, что спас мне жизнь. Я... вела себя недостойно. С самого начала. И приношу свои извинения, гос... Полох.

Он скомкал и отшвырнул рубашку в сторону, встал и потянулся так сильно, что подошвы мягких кожаных сапог оторвались от пола.

– Когда припрёт прогуляться в следующий раз, потрудись хотя бы приодеться соответственно случаю.

– Я не гуляла. – Любопытство брало верх над благоразумием и, понадеявшись на хорошее настроение господина, я выпалила: – Я была в комнате с портретами! Представила, как вы... как ты сидишь там, в кресле, как смотришь на этих женщин и...

Закончить я не успела: Полох вспыхнул. Одним движени-

ем смахнул со стола книги, чернильницу и полупустую чашку с кофе и прежде, чем утих грохот, схватил меня за запястье.

В первое мгновение я не поняла, что нужно упираться, а когда он волок меня по коридору, едва поспевала переставлять ноги. О том, чтобы спросить, куда меня тащит Ветер, нечего было и помышлять. Когда же комнаты стали узнаваемы, и я поняла, где мы окажемся, стало уже поздно.

Распахнутые мною двери так никто и не прикрыл. Но менее мрачной комната от этого не стала.

Равнодушно перешагнув через валяющийся на полу канделябр и осколки бокала, Полох пихнул меня вперёд.

– Смотри.

Я, напротив, зажмурилась.

– Нет, смотри! – требовательно повторил он, впиваясь длинными пальцами в мои плечи.

Никто не спорит с Ветром. Особенно когда он впадает в ярость. Подчинилась и я.

Портрет, на который указывал Полох, изображал печальную женщину с некогда насмешливыми, будто подведёнными угольком глазами. Жители Предгорья не назвали бы её красивой: черноволосая, смуглая, тонкокостная. Но было в ней нечто завораживающее. Нечто, что заставляло верить: когда-нибудь золочёная рама картины треснет, и она вырвется на свободу, порывом ветра промчится по пустующим залам, поднимая клубы пыли, и взмочет в небо, как белокрылая

птица. Но золочёная рама держала крепче цепей.

Полох смотрел на неё со смесью тоски и обиды.

– Это моя мать, – проговорил он. – Та, кому не повезло понести от Ветра. Она жила здесь намного дольше, чем следовало бы, но куда меньше, чем мне хотелось бы. И ты действительно думаешь, что мне в радость сидеть здесь и смотреть на неё?!

К горлу подступил комок. Стоило попросить прощения... Или утешить? Нуждается ли монстр в утешении? И является ли Полох вообще монстром? Но прежде, чем я нашла нужные слова, он развернулся на каблуках и вышел.

Возвращаясь в свои покои, я умудрилась изрядно поплутать по поместью и продрогнуть до нитки. Отбросив стеснительность, поспешила прямо так, не раздеваясь, забраться в кровать и укутаться одеялом, но холод никуда не делся, заставляя дрожать, как мокрого птенца. Наверное, я просидела бы так добрую половину вечера, не находя в себе смелости дойти до кухни и попросить кого-то растопить камин, но на закате в дверь постучали.

– Горюшко, ты как тут? – поинтересовалась баба Рея, входя прежде, чем я пригласила. – А я тебе вкусенького принесла! – заискивающе начала она. Змёрзла нябось?

Горячий шоколад, которого я не пила со смерти отца, и крошечные белоснежные пирожные не могли не растопить моё сердце.

– Спасибо, – от души поблагодарила я. – Откуда вы узнали, что я была на улице и продрогла?

– А я и не знала, – отозвалась старушка, разжигая огонь. – Мне велели... Ой...

– Что? Кто велел?

Но старушка, вспомнив о чём-то, точно в рот воды набрала.

– Заболталася я с тобой! Недосуг, недосуг!

И оставила меня наедине с потрескивающим камином.

Глава 5

Вспыхнувшее пламя

Дрова трещали и безбожно дымили. Искры сыпались на лист железа перед камином и гасли, не найдя корма для нового пламени. Я успела переодеться в сорочку и устроилась поближе к огню, прямо на полу, подтянув колени к подбородку. Рыжие всполохи танцевали по дереву, трепетно гладили, но, стоило засмотреться на один из языков пламени, как он, уличённый, отскакивал назад и злобно шипел.

На душе было гадко. Полох отчитал, хоть за мной и не было вины, напугал и испортил платье. Но извиниться всё равно хотелось мне. Подумать только! Извиниться перед чудовищем, которое похитило меня из родного дома! Да сама мысль смешна! Но образ печальной черноволосой женщины с портрета всё не шёл из головы. Нет, Полох не стал бы любоваться на трофеи, не стал бы сидеть в мягком кресле, потягивая вино и вспоминая, как заканчивала жизнь каждая из невест. И моё предположение оскорбило его сильнее, чем можно было подумать.

Но я продолжала сидеть в комнате, кусая губы и грея ладони о полупустую чашку горячего шоколада. Пусть сначала сам извинится, а там посмотрим!

Дверь тихонько коротко скрипнула и распахнулась во всю

ширь. Я напряглась, прислушиваясь: шарканья, неизменно сопровождающего бабу Рею, не раздалось, значит, это господин решил почтить невесту своим присутствием на ночь глядя. Я приложила все усилия для того, чтобы не вздрогнуть и не обернуться. Однако голос, раздавшийся позади, принадлежал не Полоху.

– Тисса?

Чашка полетела на пол. Я встала, не решаясь посмотреть на вошедшего.

– Тисса? – повторили опасливо.

Без сомнения это он! Слезы сами покатались из глаз, и я поспешила их вытереть. Развернулась и бросилась к высокому широкоплечему мужчине быстрее, чем осознала, как разительно он отличается от малыша-Роя, вечно вляпывающегося из-за меня в неприятности.

Чтобы повиснуть на его шее, оказалось недостаточно пристать на цыпочки. Рой приподнял меня, прижал к себе, не спеша отпускать, целуя в щёки, макушку, лоб.

– Тисса, это правда ты? – спрашивал он, не веря.

А я утешающе шептала:

– Это я, Рой! Я! Я в порядке!

Он стал совсем другим. С тех пор, как Ветер отметил меня, пришлось наблюдать за тем, как растёт старый друг, издалека. Мама заперла меня в доме, опасаясь, как бы не натворила дел и не сбежала с кем-то из мальчишек. И Рой, с его пшеничной шевелюрой и добродушной улыбкой, стал глав-

ной опасностью для девичьей чести. Без меня он вытянулся ростом, без меня из мальчишки превратился в красивого мужчину, по которому вздыхала добрая половина девок Предгорья.

И вот он, наплевав на врождённую осторожность, стоял в самом логове монстра. Ради меня.

– Рой, – задохнулась от ужаса я, – что ты здесь делаешь?! Как сюда попал?!

– У меня есть... друзья, – самодовольно хмыкнул он. – Они и провели.

Но расспрашивать дальше времени не было. Я попыталась вытолкать друга за дверь.

– Нельзя, чтобы тебя увидели, уходи, немедленно!

Рой стал похож на упрямого бычка. Крепкий, мускулистый... упёртый.

– Пойдём, – согласился он. Схватил меня за руку и потащил.

– Куда? Рой! Рой! Да объясни же! Я не одета!

Последнее послужило наилучшим аргументом: мужчина отпустил меня, растерянно осмотрел, точно только теперь заметив, что на подруге из одежды одна сорочка. Я невзначай скрестила руки, заслоняя грудь.

– Что ты здесь делаешь?

Рой пригладил вихры и подбоченился.

– Тебя спасаю! – патетично заявил он.

Я же потянулась и потрогала его лоб: не горячий ли?

– Ты дурачок, да? – сочувственно уточнила я.

Рой обиженно надул губы:

– Я герой!

– Дурачок, – понимающе вздохнула я. – Если господин Ветер тебя здесь поймает, на разговоры отвлекаться не станет. Уходи, Рой! Я очень, честное слово, очень тебе благодарна, но... уходи!

– Вот ещё! Я заберу тебя отсюда, верну домой и... и...

– И подвергнешь опасности не только себя, но и весь город! Он непустит меня. А я не могу его прогневить и рискнуть чужими жизнями.

– Тогда я убью его!

Я скептически осмотрела друга. Из оружия при нём обнаружилась только выломанная из сухого дерева дубинка, которая, того и гляди, сама вот-вот развалится.

– Чем, позволь спросить?

– Да хоть голыми руками! Чудище больше не будет держать в страхе Предгорье! И обижать тебя я ему не позволю!

– Рой! Рой, милый! Успокойся! – Я ласково погладила его по локтю. – Ветер не обижает меня. Оглянись, – я провернулась вокруг оси. – Я в новой одежде, в уютной чистой комнате. Сыта и причёсана. Мне не причиняют вреда.

Произнеся это, я и сама осознала, насколько везуча. Никто не ждал, что невеста Ветра доживёт до следующего утра, а я не только выжила, но и обзавелась союзницей в лице старой горничной, а ещё едва не угробила господина без помо-

щи каких бы то ни было героев.

– Ты... – Опешив, мужчина отступил назад и опустился на кушетку. – Ты не хочешь идти со мной? – уточнил он.

Я поспешила сесть рядом, утешающе коснулась колена.

– Очень, очень хочу! Но я принесла клятву и намерена её исполнить. К тому же... – поколебавшись, я спустила бретельку сорочки, обнажая спину, – это – метка невесты. По ней Ветер найдёт меня где угодно. А если мы окажемся слишком далеко друг от друга, она причиняет обоим невыносимую боль.

Как в забыты, Рой поднял руку и провёл ногтем по рисунку. Я мягко отстранилась, поправляя одежду. Вдруг вспомнилось, что пять лет назад, пока нас с другом не разделило проклятие, мы оба были ещё детьми. А детям позволено спать валетом в одной постели, нагишом купаться в речке и влезать в спальни друг друга. Теперь же Рой был сильным мужчиной. А я... а я была в одной сорочке.

Он облизал пересохшие губы. Я встала, но Рой удержал меня, усаживая обратно, чуть ближе к себе, чем до того.

– Тисса... Тисса, я вытащу тебя отсюда. Обещаю.

Он погладил меня по плечу, и бретелька сорочки снова невзначай соскользнула.

И именно в этот миг случилось то, чему случиться не полагалось ни в коем случае: господин Ветер уступил своей совести.

Не потрудившись спросить дозволения войти (а здесь та-

кое, видимо, в порядке вещей), он распахнул дверь с ноги и сразу заговорил:

– Ладно, любимая, признаю. Я слегка вспылил... А это что у нас такое?

Представшая взору жениха картина была воистину недвусмысленной! Невеста в нижнем белье, судорожно пытающаяся прикрыться, соперник, облапывающий неверную девицу...

Я выставила ладони вперёд в тщетной попытке успокоить Полоха.

Мало же есть на свете слов, уместных, чтобы произнести их в такой ситуации! И я вспомнила самые банальные из них:

– Я всё объясню!

– Ну к чему же? – холодно процедил Полох. – Я и так всё вижу.

– Это не то, о чём ты подумал!

Ветер сузил глаза и небрежно перекинул волосы со стороны на сторону, демонстрируя серёжку-коготь.

– Ты и представить себе не можешь, любимая, о чём я подумал.

– И это всё равно не то! – не сдавалась я.

Единственным, кого ситуация полностью устраивала, оказался Рой.

– А ну иди сюда, заморыш! – потребовал он и, не дожидаясь, сам двинулся на господина Ветра.

Надо обладать недюжинной храбростью, чтобы вот так,

почти без оружия, вызвать на бой монстра. А Рой всегда был осторожен и в последнюю очередь ввязывался в драку. Но и Полох не выглядел опасно: худощавый, встрёпанный, бо-соногий, наверняка собравшийся отходить ко сну и вылез-ший из постели лишь для того, чтобы принести извинения. Я невольно зарделась от оказанной мне чести.

– Ты посмотри, – обратился он ко мне, – и правда верит, что сможет победить! Ну разве это не очаровательно? Кто ты, болезный? – это уже к Рою.

– Я тот, кто оторвёт твою башку! – самонадеянно пред-ставился Рой.

Не удержав серьёзную мину, Полох прыснул и взмахнул ладонью. Подхваченный порывом ветра, Рой взлетел к по-толку и с грохотом рухнул вниз.

– Не трогай его! – крикнула я, бросаясь на жениха.

– А разве я его трогаю? – саркастично ухмыльнулся тот. – Не прикоснулся, – повинувшись движению бровей, Рой неволь-но повторил манёвр, – и пальцем!

И он действительно не касался его.

При помощи потоков воздуха Полох перевернул Роя вверх ногами и приблизился.

– Друг мой, – сжал его нос и подёргал из стороны в сто-рону, – по какой нелепой причине самоубийственная мысль влезть в дом Ветра показалась тебе хорошей?

В ответ Рой плюнул в лицо монстру, но тот ловко увер-нулся.

– Упс, промазал. Попробуешь объясниться ещё раз?

– Да пошёл ты! – с готовностью «объяснился» Рой.

– Полох-Полох-Полох! – Я повисла на плече жениха, что ничуть не мешало ему продолжать издеваться над пленником. – Это моя вина, слышишь?

– О, я ни на мгновение в этом не усомнился! Что же ещё, как не златокудрая девица с пунцовыми ушами, может спровоцировать подобного дурака на встречу с чудовищем?

Произнося это, он не забывал снова и снова отправлять Роя в полёт.

– Да я тебя!.. Только подойди!.. Дай я тебя... – только и успевал вопить герой, произвольно сталкиваясь частями тела со стенами, мебелью и потолком. – Ну давай, гад, иди... – Бабах! – Сюда!

Ветер позволил Рою плашмя упасть посередине комнаты и предвкушающе поинтересовался:

– О-о-о, благородный господин желает вызвать меня на поединок? На чём предпочтёте сражаться? Снова на плевках или выберем более подходящее для мужчин оружие?

В его ухмылке мелькнуло нечто знакомое. Нечто, что я уже видела пять лет назад в ухмылке монстра, наступающего сапогом на голову моего отца. Они уже забрали у меня одного родного человека, лишили нормальной жизни... Но навредить единственному другу не позволю!

Наверное, эта ярость всегда была во мне. Наверное, в тот миг она лишь перелилась через край.

Не задумываясь, я вцепилась в жениха, повалив на пол. Рой, не теряя времени, подхватил дубину и бросился к нам, но не добежал: Полох вскинул руку, и нас обоих, меня и Роя, сдуло.

Строгий пучок на затылке растрепался, но я, не обращая внимания на рассыпавшиеся волосы, снова кинулась вперёд.

– Не смей трогать его!

– Любимая, не ве́ди себя как...

Закончить Полох не успел, потому что я напрыгнула на него ещё раз, да так удачно, что оба рухнули на кровать, сорвав балдахин, в котором тут же запутались, как рыбы в сетях.

Колотила ли я подушки, мягкое изголовье или всё же попала пару раз по жениху, не знаю. Но когда Полох выбрался, выглядел достаточно помятым и лохматым, чтобы удовлетворить мою гордость.

На свободе Полоха встретил кулак Роя. Он ударил в подбородок так смачно, что стало слышно, как стукнули друг о друга челюсти господина Ветра, и тут же добавил в живот. Воздух выбило из лёгких Полоха, он взмыл вверх, уходя от третьего удара – уже дубиной. Оружие опустилось на одеяло рядом со мной, я только взвизгнуть успела, а Рой в пылу драки и не заметил, что чуть не угробил ту, кого явился спасать. Он сиганул на кушетку, оттолкнулся и попытался достать врага в полёте, но, если Ветер изящно плыл по воздуху, то Рой, которого немалый вес мышц тянул к земле, был

неуклюж, как запечённая индейка.

Полох uklонился, а Рой упал, задев камин и покотившись по раскалённым уголькам, посыпавшимся из него.

Коснувшись пальцами ног пола, Ветер сочувственно про-
изнёс:

– Кажется, кто-то здесь злоупотребил моим гостеприим-
ством...

Он небрежно откинул волосы от шеи, обнажая стальное
остриё серёжки, поднял руку...

– Нет! – Я бросилась к нему, сама не зная, падать на ко-
лени или сражаться. – Нет, не трогай его! – Остановилась в
шаге от Ветра, как когда-то перед его отцом, стиснула кула-
ки. – Рой – мой единственный друг. Не убивай его! У... – Я
стиснула зубы. – Умоляю...

Рука Ветра дрогнула.

– Ты... что?

– Умоляю, – процедила я сквозь зубы. – Рой не хотел при-
чинять тебе зла, он просто волновался...

– Я убью чудовище! – патетично заявил Рой, невовремя
противореча моим заверениям.

Полох развёл руки в стороны.

– Не похоже, чтобы твой приятель явился с добрыми на-
мерениями.

– Он всего лишь дурак! – зажмурившись, крикнула я. –
Дурак, который хочет стать героем! Ты же не убьёшь маль-
чишку, лупящего крапиву палкой?

Кажется, Рой уронил дубинку.

– Тисса? – уязвлённо окликнул он. Не верил, что я считаю его дураком. Что та, кого он собирался защитить от монстра, отплатила ему пренебрежением.

А я стискивала кулаки так сильно, что полукружья ногтей до боли впивались в кожу, и продолжала:

– Он наивный мальчишка, который не понимает опасности!

Тихий гул, пока не оформившийся в звук, прошелестел под ногами. Гора шевельнулась, порыв ветра распахнул окно и сорвал занавески, а снаружи угрожающе заворочались камни.

– Ты споришь с тем, кто может уничтожить твой город. Кто может убить тебя, – напомнил Ветер. – Уверена, что это *он*, – он кивнул на Роя, – наивный дурак, не понимающий опасности?

Мне бы извиниться и спрятаться под кровать... Но я выдержала надменный взгляд Полоха, не сойдя с места. И посмела ответить:

– Ты обещал, что никто не обидит меня здесь, если буду вести себя благоразумно, помнишь?

– Помню, – поджал губы Полох и многозначительно добавил: – И ты не забывай.

Он подул, и ветер, повинуясь приказу, подхватил Роя, огромного широкоплечего богатыря, как пушинку, вышвыривая из особняка.

– Рой! – я бросилась к окну. – Он же разобьётся!

Полох равнодушно передёрнул плечами:

– Башка у него крепкая.

– Тогда он потеряется и замёрзнет в горах! – продолжала беспокоиться я.

– Ну как-то же он сюда попал, – резонно возразил Полох. – Выберется тем же путём.

Всё же Рой приземлился удачно. Перекатился по мелким камешкам, остановившись раньше, чем начался обрыв, погрозил кулаком, изобразил несколько неприличных жестов и успел отпрыгнуть от дубинки, отправленной Полохом в полёт вслед за хозяином. Только после этого я, втихаря переведя дух, набросилась на жениха:

– Ты его чуть не убил!

У всякого нахальства есть предел. И свой, видимо, я уже перешагнула.

Господин Ветер приблизился ко мне и усадил на оконную раму.

– Слушай, любимая, ты мне не нравишься, – доверительно сообщил он. – Ты упрямая, нахальная, приставучая, требовательная и шумная. Мне не в радость, что приходится держать тебя здесь.

– Так может... – заикнулась я, но он перебил.

– Но это не значит, что не буду. Поводок метки связывает нас обоих и не даёт разлучиться, но я буду очень, очень благодарен, если ты будешь держаться от меня подальше. Мак-

симально далеко, насколько позволяет метка. К сожалению, этого всё равно недостаточно, чтобы не раздражать меня.

Со ссадиной на челюсти, лохматый, встопорщенный, он походил на галчонка, попавшего в ураган. Наверняка после нашей борьбы и я выглядела не лучше. Спихватившись, я поспешила хоть как-то прибрать волосы и дерзко заявила:

– Ты не хочешь меня здесь видеть? Что ж, я хочу гостить у тебя ещё меньше! Так давай подумаем, как избавиться от нашего проклятья и разойдёмся, чтобы больше друг о друге никогда не вспоминать!

Его тёмные глаза нехорошо сверкнули. Полох перехватил мою руку, не давая заплести косу, и пропустил несколько прядей сквозь пальцы.

– Избавиться от нашего проклятья? Что ж, я знаю один верный способ это сделать.

– Так что же ты молчал?! Давай сделаем это немедленно! – Я заёрзала на подоконнике, намереваясь спрыгнуть, но он так и не отошёл, так что места не нашлось: либо прыгать в объятия жениха, либо оставаться в ловушке оконной рамы, как рисунок на портрете.

– Боюсь он тебе не понравится, – насмешливо приподнял брови он.

– Понравится! Мне понравится любой способ, который позволит оказаться подальше от тебя и, как я понимаю, ты тоже им с удовольствием воспользуешься!

– Я-то, – он сделал длинную паузу и наклонился, опалая

дыханием мой висок, — с больши-и-и-им удовольствием!

Я приготовилась к продолжению, пояснениям, инструкциям, но он так и стоял, не двигаясь и чего-то ожидая. Чтобы до меня дошло, понадобилось позорно много времени и ехидный смешок жениха.

— О. О! О-о-о! — протянула я. — Так метку можно снять, если?..

— Именно, — бесстыже подтвердил Ветер, сжимая мою талию. — Если невеста станет женой. Ну что, — елеиным голоском спросил он, — продолжим, любимая?

— Я не стану спать с тобой!

Я сбросила его руки, оттолкнула, как будто говорила с доставучим мальчишкой, а не хозяином гор и ветров.

— Уверяю, *спать* мы и не будем, — добил Полох.

Я спрыгнула на пол, перебежала к ширме и спряталась за ней. Поспешила завернуться в халат, оставленный Реей среди одежды. Так, на всякий случай... И только после этого решила выглянуть.

— Уверена, есть другой способ. Мы сможем разорвать связь, и ты меня отпустишь, верно?

По непроницаемому лицу невозможно было прочесть ни единой эмоции, кроме надменного ехидства.

— Ты не в том положении, чтобы заключать со мной сделки, любимая. Особенно сегодня.

— Но мы хотим одного и того же, — нашлась я. Всё же дочь торговца обязана выторговать хотя бы собственную свобо-

ду. – Мы вполне можем потерпеть друг друга ради общей цели, да? – Он молчал. Не выдержав неизвестности, я повторила: – Да, Полох?

Он бросил быстрый взгляд в ту сторону, где закончил свой полёт Рой. Скривился и, прежде чем выйти, бесстрастно поправил:

– Для тебя господин Ветер.

Глава 6

Старая сводня

Последующие дни превратились в карточную игру, где нужно держать серьёзную мину и делать вид, что на руках все козыри, тогда как на деле даже смысл правил от тебя ускользает.

Полох был подчёркнуто вежлив. Вежлив настолько, что это становилось подозрительно. Обыкновенно он избегал меня, но, столкнувшись ненароком в коридоре, раскланивался, неизменно интересовался самочувствием и настроением, предлагал проводить «возлюбленную невесту». Совместные приёмы пищи я и вовсе предпочла бы игнорировать, но неизменно получала нагоняй от Реи и послушно сменяла в столовую. И вот как-то за завтраком господин Ветер постучался прежде, чем войти.

– Д-да? – опасно откликнулась я.

– Позвольте присоединиться к вам, возлюбленная невеста? – ехидно поинтересовались из-за двери.

– Разумеется, – дозволила я, прикидывая, где ещё провинилась перед хозяином и мог ли он об этом прознать.

– Благодарю вас, – пафосно изрёк он, присаживаясь, и только искры в тёмных глазах сверкали по-прежнему надменно.

Я вслух удивилась:

– Разве вы должны спрашивать дозволения?

– Ну как же! – Ожидавший этого вопроса Ветер подался вперёд, легко приподнимая бокал с водой за одну только ножку. – Не хотелось бы ненароком помешать возлюбленной невесте, если она вдруг снова... – длинный глоток и звенящая в паузе тишина, – пожелала принять у себя гостей.

Я закусила губу и ощутила, как уши наливаются краской. Прошло уже немало времени, но неожиданный визит Роя, о котором никто больше не обмолвился и словом, мне так и не простили.

Я старалась выполнять требование господина и держаться от него подальше, дабы не раздражать и не раздражаться. Лишь однажды, расхрабрившись, зашла к нему, чтобы взрослому объясниться и понять, чего ожидать от судьбы, ибо неизвестность мучала куда сильнее, чем постоянные насмешки.

Однако и тут не повезло: едва подойдя к покоям Полоха, я услышала голоса, уже куда более громкие, чем бывает при спокойном разговоре.

– ...а ежели так и будешь своевольничать, я тебе уши-то поднадеру! Мало я тебе зад в детстве розгами стегала? Так я и щас могу напомнить!

Рея! Старушка не испытывала перед Ветром ни малейшего страха, Полох же, надменный, самолюбивый Полох, не только спускал ей подобное, но и сам по привычке втягивал

голову в плечи, когда слышал ругань горничной.

– Рея, я уже не ребёнок! Я хозяин здешних земель, так что, будь добра...

– Хозяин козявок и мокрых пялёнок ты! Ишь, нашёл, перед кем кичиться! Перед девкой несмышлёной! Я разве так тебя учила?

– Отец учил относиться к невестам как к сношенным сапогам, так что посуди сама, чьё воспитание запомнилось мне лучше.

– Так и шо таперича, поклоны тебе бить? Девка ужо из комнаты выходить не желайть, кабы тебя не прогневить!

– Угу, – саркастично отозвался господин. – Так и вижу, что она глаз на меня поднять не смеет! Ты бы лучше нашу гостью хорошим манерам поучила, чем меня!

– Горюшко хоть от веника не шарахайся, как от огня! Не боится рук замарать, старушке помогает! А ты, остолоп...

– Рея! – Полох устало вздохнул и заходил по комнате. – Чего ты хочешь от меня?

– А шо я хочу? – как ни в чём не бывало удивилась та. – Я туточки окна мою, чаго я хочу? Так, балакаю покамест...

– Ты же понимаешь, что я не могу отпустить её. Хотел бы, как хотел бы и сам убраться подальше от этого проклятого дома. Но не могу!

– Ну так и шо таперь, волком на неё глядеть? Девочка к тебе со всей душой...

– Угу, – Ветер зло швырнул что-то на стол, – со всей ду-

шой, как же! Я был добр к ней, Рея. Настолько, насколько это вообще возможно для такого, как я! И чем она отплатила за доброту?

Шлёп!

– Ай, – охнула старушка, – тряпку уронила! Подай, а то спускаться неважко. А чем яна табе отплатила? Кабы сама полюбовников зазывала, это одно. А шо к ней заявился рынцарь энтот ваш, так то горюшко и не виновата вовсе! Это, ежели покумекать, твоя вина! Говорила же табе заделать подземные ходы для слуг. Сам бы не поленился, и рынцарь бы не влез. А то шо папаша твой недоглядел, как тогдашний купец пробрался, шо ты таперича... Того и гляди, по энтим ходам к вам целую армию приведут!

– Не посмеют.

– Помяни моё слово, не след недооценивать людские страхи! Они много на шо толкають... Вон матушка твоя покойная, да будут облака ей периной...

– Рея, – предупредительно перебил горничную Ветер, – не надо.

– А шо я? Я ничаго! Ты и без меня знаишь, как яна, болезная, едва табя уродив, с гор бросилась. Хорошая девочка была, как родная мне...

– Рея, – голос Полоха звучал едва слышно, но от сквозящей в нём угрозы по коже побежали мурашки, – пошла вон.

Нечто неуловимое заставило непробиваемую старуху, не домыв окно, броситься прочь из комнаты. Я едва успела

спрятаться за поворотом коридора, когда она выскочила из покоев хозяина и, несмотря на почтенный возраст, по-молодецки припустила в сторону кухни. А в комнате послышался грохот, как если бы кто-то вспылил и перевернул стол, заваленный грудой книг.

Поначалу заботливая старушка казалась мне умалишённой. Шутка ли: Рея могла уйти из поместья в любой момент, но предпочитала оставаться с Ветром, не отлучаясь даже за продуктами и сваливая это на безропотного старичка-слугу. Но скоро требовательная бабка стала самым близким человеком. И не только потому, что в особняке нас жило всего четверо, а ещё и потому, что приняла как родную. Не припомню, чтобы мама хвалила меня за вымытый пол или начищенную к обеду картошку. Да и что за них хвалить? Вместе живём, вместе едим... Вместе и работаем. Но когда Рея впервые встретила меня в кухне тёплыми словами, я растаяла.

– А вона и моя помощница идёть! Разжигай очаг, горюшко!

Наверное, именно поэтому я ощутила укол ревности, когда встретила старушку с охапкой опустивших головки, но всё ещё относительно свежих цветов. Она неловко спрятала букет за спину, а я сделала вид, что не усмотрела. Однако с тех пор всё яснее замечала, что Рея преобразилась. Заляпанный передник сменился белоснежным и накрахмаленным, с

головы исчез платок, а жиденькие волосы всё чаще заплетались в замысловатые косы.

А раз я и вовсе случайно застала, как второй слуга, дедок с седой бородой-лопатой, зажал горничную в углу у очага и бессовестно щиплет. Я бросилась было спасать старушку от охальника, но вовремя остановилась: она тоже по-девичьи хихикала и, в свою очередь, пощипывала тощие ягодички старика Лайко.

Когда вслед за горничной начал преображаться и дом, молчать дальше стало невозможно.

– Баба Рея, а что у нас, праздник какой намечается?

– А и верно, горюшко! В Предгорье же Зелёную ночь не празднуют! То-то я и гляжу, не шибко ты и готовишься! Я, почитай, всю жись в горах провела, уж и не помню, шо там у вас да как...

А зелёной, судя по всему, праздник делала не только ночь. Зеленел весь особняк. Вычурные позолоченные рамы на зеркалах, перила лестниц, колонны – всё, до чего могла дотянуться невысокая горничная, она украсила ветвями деревьев. В распахнутые окна заглядывали побегии плюща, осторожно проверяющие, можно ли виться внутрь комнат или пока рановато. А сквозняки временно превратились в приятный тёплый ветерок. Когда ещё, как не сейчас? Середина лета!

– Ох, горюшко! Помню свою первую Зелёную ночь, от то было празднество! Почитай, ежели на ней не была, не зна-

ешь, шо тако веселье!

Я постаралась припомнить, когда в последний раз веселилась не то что на большом празднике, а хоть где. И не припомнила. Со смертью отца из нашего дома ушла радость, а из мамы, казалось, и вовсе весь интерес к жизни. Мы издали глядели на торжественные шествия Осенин или на Проводы зимы, но сами не участвовали ни разу. «Нечего нам праздновать», – говорила мама. И правду говорила, если по-честному.

Но теперь... Предгорье спасено, я всё ещё жива, а вот старый Ветер – нет. Может теперь и правда есть, что отметить?

– Господин Ветер, – подчёркнуто вежливо произнесла я, – вряд ли одобрит такое развлечение. Да и отойти от него я толком не могу.

– Господину Ветру, – мрачно пообещала старушка, – ухи-то кто-то может и ободрать, ежели он сильно строг будет.

Я сседила улыбку в кулак. Может ведь, ещё как может! Баба Рея, если её разозлить, от горной цепи камня на камне не оставит, что ей какой-то Ветер?

– Ты не думай. Сходи, сходи, детенько! – уловила моё сомнение старушка. – Я в означенный час табя провожу. Ежели шо не так будет, воротишься.

Ну как тут отказать? Тем более, что под защитой старой Реи мне не страшен ни один монстр!

Глава 7

Зелёная ночь

Означенный час наступил тем же вечером. Едва солнце приблизилось к пикам гор, готовое кувыркнуться с вершины одной из них, Рея вломилась ко мне в спальню.

– Одевайся, горюшко, одевайся скорее, опаздываем! – Суетилась она, будто не сама только что пришла. – Во енто во надевай, должно подойти!

Она вручила мне свёрток и затолкала за ширму, не дав как следует рассмотреть, что в нём за наряд. Пришлось одеваться почти ощупью: разжигать камин я не стала, а света от окна становилось всё меньше.

Трижды запутавшись в платье и попытавшись пролезть головой поочерёдно в оба рукава, я всё же разобралась, что к чему, и вышла, на ходу завязывая тесёмки.

– Ну что за горюшко?! Во енто сюда, а тут развернуть. Здеся подтянем, а тут потуже... – затараторила Рея.

Наряд походил на мой свадебный разве что цветом. Однако, если полотно свадебного облачения напоминало саван, то это платье делало из меня белокрылую птицу. Тесёмки причудливо переплетались, походя на перья, почти прозрачная ткань лунным светом ласкала кожу, и всё казалось, пробеги я немного и прыгни вверх, – взлечу! Хотелось смеять-

ся и кружиться, чтобы ленты завивались вихрями и сплетались причудливыми узорами, что через мгновение навсегда исчезнут – уже не повторишь.

Рея украдкой утёрла мокрые глаза.

– Ты ж моё горюшко родное! – шмыгнула она. – Знала я, что платье своего часа дождётся... – И, будто опомнившись, сварливо добавила: – Ну пошли-пошли, чаго встала? Нас нябось ждать не стануть!

– А обуться же! – напомнила я, почесав голень босой ступнёй. Оно и одеться бы не помешало. Я хорошо помнила, какой ледяной воздух в горах, а праздничное платье от него не защитит!

Старуха захихикала:

– Ничаго, сягодня и так не замёрзнем!

На многое я не надеялась. Покрасовалась в обновке, потешила себя надеждой – и хватит. Была уверена, что, стоит выйти из поместья, как поводок тут же натянется, а метка обожжёт, требуя вернуться обратно. Как знать, сколько я успела пролететь, падая с обрыва, прежде чем она вспыхнула в прошлый раз? Но, либо то неудачное падение длилось куда дольше, чем кажется, либо по какой-то иной причине, но Рея оказалась права: клеймо не требовало вернуться.

Зато в ином старуха ошибалась: холод пробирал до костей. Осторожно ступая по острым камешкам, чтобы не пораниться, я с трудом сдерживала недовольное пыхтение. Но сама бабка тоже шла босиком и тоже перед выходом скинула

верхнюю одежду, оставшись в одной белой рубаше.

– Ти живая ты ти не, горюшко? – весело поинтересовалась она.

– Угу, – скупно отозвалась я, чтобы не добавить несколько крепких словечек, за которые Рея заставит вымыть рот с мылом.

– Ну так поторапливайся, а то идёт нога за ногу! Не поспеем же!

Прежде я думала, что горы напоминают огромные ледяные шатры. Словно насыпал кто сахару: одна острая вершина и крутые склоны от неё. Теперь же знала, как ошибалась. Вершин у гор было множество. Они вырастали одна из другой, нависали, обламывались в пустоту и выныривали прямо из молока облаков чуть поодаль. Горная цепь тянулась далеко вперёд, насколько хватало глаз, и, лишь пожив на одном из пиков, я осознала, насколько незащищено перед Ветром и его владениями наше крохотное Предгорье. Городок словно был окружён суровыми великанами. Побеспокой одного, повернись он ненароком – и не станет поселения и всех его жителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.